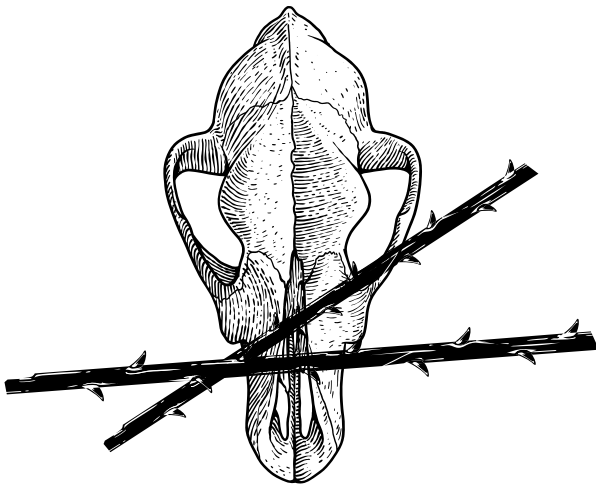

Тот самый кошмар

Лес приходит за мальчиком в его тринадцатый день рождения. Мальчик не первый, кто привлекает внимание леса. Но ему суждено стать одним из последних. Кто-то получает кусочки пряжи от банши или блестящую улитку от мелюзины, а он, открыв глаза на рассвете, обнаруживает на подушке волчью челюсть.

Ему снова снился кошмар. Тот, в котором у отца есть лицо, а мать еще жива. Это всегда начинается как счастливый сон, но потом являются тени. Сперва они забирают отца. Потом забирают и его самого, а мать плачет, кричит и умоляет лес переменить волю.

Но лес никогда не меняет решения. Ни во сне, ни наяву. Поэтому, когда лес призывает мальчика, тот входит. А когда лес завершает свое дело, мальчик выходит уже не мальчиком. Уже не совсем человеком. Скорее бомбой, которая ждет, когда лес запустит часовой механизм.

Глава 1

Говорят, в лес по соседству с городком Цугута-фоллз никогда не приходит весна. Это, разумеется, неправда. Весна наступает сразу за зимой, как и полагается. Правда в том, что весна в Цугута-фоллз совсем не такая, как в остальном мире. Она тиха и смертоносна. Одинока и немолочима. Она подкрадывается к тебе, притененная зимней серостью, которая не хочет отступать.

Даже теперь, месяц спустя после начала весны, мороз еще прихватывает деревья с северной стороны, а солнце, если и выглянет ненадолго, ни за что не дотянется до этой грунтовой дороги. Солнце не дотянется до Винни Среданс, которая катит на неповоротливом квадроцикле без усилителя руля к месту сбора клана Средансов.

Лес выдыхает туман, словно курильница дым. Фары квадроцикла мерцают, и их лучи, отражаясь от тумана, рисуют фигуры там, где никого нет. Уж Винни знает: это просто клены и пихты, пробившиеся прошлой весной. Но в предрассветной тьме в них видится что-то скелетопоподобное.

Винни едет — зубы стучат. Сегодня ее шестнадцатилетие. И сегодня все должно измениться.

Вот свет фар квадроцикла нащупывает шесть черных внедорожников, и Винни с грохотом паркуется возле тсуги. Может быть, именно это безобидное хвойное дерево и дало свое название их городку, Цугута-фоллз. А вовсе не ядовитая цикута, которой тут тоже хватает. Но это не точно.

Винни выключает фары, натягивает капюшон толстовки и ждет. Туман обвивает ее объятием спрута. Она пытается представить себе сегодняшнее испытание: каково это будет — охотиться на кошмар, а не просто читать о нем.

С мамой об охоте не поговоришь, она и слышать об этом не хочет. То есть больше не хочет. С того самого «инциден-

та». Зато «Справочник кошмаров» Винни перечитывала тысячу раз. Тысячу тысяч раз. Она зарисовала каждую лесную тварь, все кошмары, с какими приходится иметь дело американским светочам. Она разыгрывала собственную встречу с кошмарами, понарошку вонзая нож в мясистую шею дrolля или в тело мантикоры — там, где головогрудь соединяется с брюшком. Она прыгала и кувыркалась, прыгала и кувыркалась столько раз, что довела эти движения до автоматизма.

Она готова.

Она должна быть готова.

Минуты тикают мимо. Слышится волчий вой. «Это обычный волк», — думает Винни, но без уверенности. Ведь «Справочник...» описывает несколько видов кошмаров, которые имеют облик или голос волка или способны на время перевоплощаться в него полностью.

Винни сдвигает очки вверх по переносице и продолжает ждать. И ждать. У нее урчит в животе — позавтракать, конечно, стоило. Да и поспать как следует. Хотя к бессоннице можно было и привыкнуть после трех тревожных недель. С тех пор как начался именинный месяц Винни и приблизился срок воплощения плана, который она вынашивала четыре года, сон стал ей недоступен.

Вновь завывает волк — теперь, кажется, подальше. В этом вое звенят одиночество и неприкаянность. Такое знакомое чувство, и Винни это бесит.

Она никому не сказала, что собирается принять участие в сегодняшнем испытании охотников. Если кто-то узнает, ее не пустят. Тетя Рейчел сойдет с ума, мама сойдет с ума, у Совета будет коллективное помешательство, и они найдут способ ей помешать. Но они не могут предотвратить того, о чем не знают. Плюс в правилах нигде не сказано, что изгоям нельзя участвовать. Это ноны не допускаются — оно и понятно, а про изгоев там точно ни слова.

Все, что сегодня нужно сделать Винни, — это затесаться среди других кандидатов в охотники, и тогда Четвергссоны,

которым выпало проводить испытание, допустят ее вместе со всеми.

Им просто придется, и все. Что делать в противном случае, Винни понятия не имеет.

Наконец она перестает слышать волка, и небо начинает светлеть. Ночь закончилась. Лес досмотрел свой сон.

Из-за деревьев бесшумно выходят охотники клана Среданс. В их рядах несколько людей из других кланов — замещают всех, кто ранен, или болен, или просто должен сводить ребенка в драмкружок Цугута-фоллз. С тех пор как два месяца назад погиб охотник из Субботонов, а три недели назад пал один из Вторниганов, Совет стал увеличивать количество охотников от ночи к ночи.

По всему миру светочи живут возле четырнадцати спящих духов. Каждую ночь, когда духи засыпают, оживают их кошмары. И каждую ночь светочи-охотники охраняют от этих кошмаров мир. Каждому дню недели — свой клан. Прощедшая ночь была за Средансами — это клан Винни.

Или был клан Винни до «инцидента», после которого ее семью приговорили к изгойству.

Сейчас в клане сорок восемь охотников. Среди них есть двоюродные и троюродные братья-сестры Винни. Они точно не помнят, что у нее сегодня день рождения, а если бы и помнили, им плевать. На всех охотниках черная кевларовая¹ броня, подходящая к их мрачным лицам. Некоторые ранены, у кого-то сломаны луки, кто-то прихрамывает.

С Винни разговаривает только тетя Рейчел. Она отделяется от остальных и приближается с картой в руке. В лучах фар внедорожников тетя Рейчел словно на сцене. Ее движения резки и небрежны, как у мамы Винни. Но если ма-

¹ Кевлар — ткань из параарамидного волокна, известная легкостью, прочностью, гибкостью и способностью поглощать энергию удара. Широко используется в производстве бронезилетов. — *Здесь и далее примеч. пер.*

мины волосы уже поседел, тетины все еще черные и блестят.

А носы у них одинаковые, крючком. У Винни такой же.

— Вот, — Рейчел протягивает карту, плохую копию скопированной копии, — здесь отмечены тела кошмаров, а еще у нас в этот раз двое нонов. Но должна предупредить: вот этот, рядом со старшей школой, только половинный.

Половинный. Половина человеческого трупа. В лесу такое нечасто, но бывает. Рейчел сует карту Винни, а сама уже смотрит в сторону внедорожников и забывает, что рядом стоит ее племянница.

Вот так все обычно и происходит. Тетя Рейчел говорит пару слов, а потом, как все Средансы и прочие светочи, снова делает вид, что Винни не существует. Она даже отходит раньше, чем Винни успевает нормально взять карту. Подхватывай на лету.

А Рейчел воссоединяется с охотниками, и все они запикиваются в свои внедорожники. Электрические двигатели с гулом пробуждаются к жизни. Шины прощально чавкают по свежей грязи.

Винни не смотрит им вслед. Она на трупных дежурствах уже три года. И пусть сегодня ее день рождения, пусть ее живот скручивает в тугую косу гарпии, привычная работа успокаивает.

Трупное дежурство — это ежеутренняя уборка оставшихся в лесу тел кошмаров, да и людей тоже. Наверное, никто, кроме Винни, не любит эту работу. А ей нравится. Брат зовет ее извращенкой, она его — занудой.

Работенка мрачная, что и говорить, но кто-то же должен ее делать. Иначе тела, которые не исчезают магическим образом на рассвете, пробуждаются в виде неуспокоенных, а от этих сплошные неприятности. К тому же только здесь Винни может найти применение своим знаниям из «Справочника кошмаров», ведь каждое новое тело — это головоломка, которую надо разгадать.

Стуча зубами, Винни изучает карту. Вот он — половинный, недалеко от усадьбы Пятницы. А второй человек примерно в миле от первого, возле озера. Двое — многовато для одной ночи. Явно наметился прирост.

Стук, стук, стук. Стук, стук, стук.

— Винни! — слышится чей-то голос.

Из-под тсуги выходит сын Рейчел по имени Маркус. Он восьмиклассник и в трупном дежурстве новичок. Он добр к Винни, когда никто не видит. Но за пределами леса и он с удовольствием обзывает ее «ведьминым отродьем», как все остальные светочи.

Эх, выбить бы ему зубы. Такой размер — ну просто идеальная мишень для удара. А его бледно-оливковую физиономию однозначно не мешало бы разукрасить. Мечты-мечты...

Маркус не один, с ним две девчонки — близняшки-очаровашки из клана Средансов. У обеих насыщенно-шоколадная кожа, глаза как черный турмалин, ямочки на щеках — предмет зависти всего города.

Семья близняшек переехала в Цугута-фоллз год назад, переместилась из внешнего мира. Их родители — сетевики. Это такие светочи, которые живут в мире нонов и следят, чтобы те не узнали ни о светочах, ни о лесе.

Как большинство американских светочей из клана Средансов, близняшки не приходится Винни и Маркусу кровными родственницами. Они десятиклассницы, как и Винни, но легко стали самыми популярными девочками в школе. И конечно, Маркус по ним сохнет. Прямо сохнет. Он, похоже, не догоняет, что они милы с ним лишь потому, что милы со всеми, даже с Винни, как бы та ни хмурилась.

Она бы и рада проявить ответное тепло, правда рада. Но если она хоть на минуту ослабит оборону, есть риск, что кто-то прошмыгнет внутрь. «Ведьино отродье, ведььино отродье».

— С днем рождения! — в унисон поют близняшки.

— У нас для тебя подарок! — Эмма протягивает коробку в безупречной обертке с безупречными петельками банта.

— Ой, спасибо. — Винни берет коробку: тяжелая. — Открою попозже.

По личикам близняшек пробегает тень разочарования. Их улыбочные ямочки сглаживаются, и Бретта, волосы которой сейчас завиты в крутые локоны (у Эммы, напротив, длинные косички), говорит:

— Но мы же тогда не увидим твою реакцию.

От этих слов Винни напрягается. Страх мурашками взбегает по ее рукам, словно коробка сделана из слез банши. Это какой-нибудь жестокий розыгрыш. Наверняка внутри собачья какашка. Винни откроет коробку, они снимут все на телефон и покажут в школе.

Хотя нет. Винни качает головой. Близняшки не такие. В отличие от остальных жителей Цугута-фоллз, они всегда были по-настоящему добры к Винни. Правила светочей насчет обхождения с изгоями предельно ясны: «Игнорируйте их». Но близняшки не поступали так никогда.

Винни поправляет очки, делает тягостный вдох и все же приступает к раздиранию обертки. В предрассветной тишине получается очень громко. Не проходит и секунды, как перед Винни возникают золотые завитушки надписи «Цугута Мода» — такие же, как на витринах бутика в центре города.

У Винни захватывает дух, и она злится на свой внезапный восторг. Ее злит, что близнецы, судя по весу коробки, вручили ей что-то дорогое. И что ей это, вероятно, понравится. Уж лучше бы какашка, честное слово.

Но отступить уже поздно. Рядом Эмма и Бретта так и прыгают от нетерпения.

Она поднимает крышку и обнаруживает кожаную куртку. Такую Винни никогда не смогла бы себе позволить. Если только изношенную в хлам. Подобная вещь — это стиль на все времена.

У Винни вновь перехватывает дыхание. Ведь это тот самый оттенок корицы, который идеально сочетается с ее каштановыми волосами.

— Ты же постоянно мерзнешь на дежурствах, — объясняет Эмма. — А в ней тебе будет тепло!

Она-то, конечно, говорит это без задней мысли, но от подтекста никуда не денешься — такова реальность: «Ты всегда мерзнешь и дальше будешь мерзнуть, потому что мы скоро перестанем ходить на трупное дежурство, а ты, Винни Среданс, будешь заниматься этим всю жизнь».

— Ну примерь же! — настаивает Бретта (ямочки снова на месте). — Мы поменяем, если не подойдет.

Винни подчиняется, и куртка, как назло, садится безупречно. Даже поверх ее зеленого худи с надписью «Спасите китов». Винни сгибает локти. Новенькая кожа скрипит. Винни пробует замок молнии. Тот скользит вверх-вниз, словно скальпель в утробе вампа.

Она должна отказаться. Да, отказаться от этого подарка. Вежливо поблагодарить близняшек и объяснить: куртка слишком хороша, чтобы принять ее в дар.

Винни не отказывается. Уж больно крутой она себя в этом чувствует. Вылитая бабушка Вайнона с фотографии, которая хранится у мамы: в руке лук, по всему телу кошмарьи ошметки, а на лице зловещая ухмылка — яркая, как встающее за спиной солнце.

Винни пытается скопировать ту улыбку, даже зубы показать, и говорит:

— Спасибо. Это правда... ну, мило с вашей стороны. Спасибо.

Эмма вся лучится, Бретта хлопает в ладоши, и Винни в очередной раз думает: лучше бы они были обычными вредными девицами, как им и положено. Она знает свое место среди остальных горожан, понимает, как держаться с сопляками вроде Маркуса. А как быть с близняшками — почти друзьями, но не совсем...

От этой промежуточной неопределенности у нее внутри все переворачивается. Словом, неудобно.

Кашлянув, она расстегивает куртку. Потом застегивает обратно. Снова и снова, ее пальцы почему-то не могут остановиться — с такой легкостью ходит бегунок.

— А у вас когда днюха? — спрашивает Маркус близняшек.

Энтузиазм в его голосе в ближайшем будущем сулит сестрам нелепые букетики.

— На следующей неделе, — отзывается Эмма в одно мгновение с Бреттой.

Они смеются. Их смех вырывается, как облачко мыльных пузырей. Они всегда так звучат, когда говорят одновременно.

Пальцы Винни замирают, примерзая к молнии. Выходит, у нее совсем мало времени на поиск ответного подарка.

— Мы надеемся устроить вечеринку, — продолжает Эмма. — Вы оба приглашены.

Маркус, похоже, готов хлопнуться в обморок от счастья. А у Винни легкий приступ дурноты. Обычно на вечеринках светочей изгоям не рады.

Она предпочитает сменить тему. Как старшая в группе, Винни руководит дежурством.

— Значит, у нас тут... эмм... — начинает она. *Вжик, вжик, вжик.* — У нас тут половинный рядом с усадьбой Пятницы. Начнем оттуда?

— Есть, капитан! — говорит Бретта, изящным жестом отдавая честь. Потом она, Эмма и Маркус влезают на прицеп-платформу. Винни заводит двигатель. Выхлоп с тарактенным вырывается и становится частью тумана.

Жемчужно-серая заря встает над деревьями. Но Винни включает фары — хуже не будет. Лесные тени рассеиваются. Зимняя серость — нет.

